

РОЖДЕНИЕ МАЛЬЧИКА ПО ПРОЗВИЩУ ПЬЕРО

В тот день в 1914 году молоденькая девушка громко постучала в дверь больницы «Милосердие» в Монреале. Она была невысокой и пухленькой с круглыми щечками-яблочками и светлыми кудряшками. И всего двенадцати лет отроду.

Ее старший двоюродный брат Томас ушел через океан во Францию на войну. Она его обожала еще с тех пор, когда была совсем маленькой девочкой. Шальной парень, он делал стойку на руках и брал ее с собой послушать оркестры, по воскресеньям игравшие в парке. Он был храбрым и всегда говорил ей, что хочет стать солдатом. Как-то днем прошедшей зимой он заглянул к ней домой и сказал, что проведет ей медицинское обследование, чтобы выяснить, годна ли она к действительной воинской службе, которую должны нести мальчики. Ей и впрямь хотелось знать, могла бы она тоже стать солдатом, если бы была мальчиком. Томас сказал, что для измерения температуры внутри ее тела ему нужно ввести в нее свой член. Закончив и убедившись в ее добром здравии, он наградил ее красной ленточкой, раньше украшавшей коробку с тортом, — приколот к кофточке как почетный знак за оказание выдающейся услуги своей стране. После убийства эрцгерцога Фердинанда Томас несколько месяцев молился о вступлении Канады в войну, чтобы сбежать от беременной кузины.

Родители послали девушку в больницу «Милосердие». Каждый день перед зданием больницы выстраивались в очередь молоденькие беременные девушки с таким большим животом, который уже нельзя было скрыть от родственников.

Их выгоняли вон из дома. Некоторым перед уходом удавалось собрать в дорогу кое-что из вещей. Других выволакивали за волосы и вышвыривали за дверь. От отцовских побоев на лицах девушек оставались синяки и кровоподтеки, которые блондинки пытались скрыть под изящными светлыми локонами, а брюнетки — под прямыми прядями темных волос. Они чем-то напоминали фарфоровых кукол, вместе со своими детьми утративших благосклонность благодати.

Такие девушки калечили себе жизнь ради каких-то пяти минут удовольствия на черной лестнице. И теперь — с чужеродными телами, жившими собственной жизнью у них в утробе, — родители отсылали их с глаз долой в это убежище, а молодые отцы тем временем занимались своими делами, катались на велосипедах и посвистывали себе, купаясь в ванной. Здание больницы было выстроено именно с такой целью. Для того, чтобы из несказанной доброты к горемычным распутницам стать им убежищем.

Когда такие девицы переступали широкий порог больницы «Милосердие», сестры-монахини присваивали им прозвища. Они говорили, что поступают так ради защиты девушек, однако на самом деле это лишь добавляло им унижения, постоянно напоминая об их новом презренном и греховном статусе. Там встречались девушки с такими именами, как Честити, Саломея или Дизмел*.

Девочку, щечки которой напоминали яблочки, милосердные сестры нарекли Игноранс. Обращаясь к ней, ее обычно называли Игги. Она не придавала никакого значения тому, что в чреве ее, в самом ее нутре угнездились самое ценное из существующих в мире творений. Однажды она устроила схватку с кошкой. В другой раз она перепрыгивала с кровати на кровать, будто это были не кровати, а плавучие льдины. Ей нравилось кувыркаться в коридоре. Монахини делали все от них зависящее, чтобы прекратить эти безобразия. Порой

* Честити (от *англ.* chastity) означает «целомудрие»; Саломея — иудейская царевна, потребовавшая казнить Иоанна Крестителя, голову которого ей принесли на блюде; Дизмел (от *англ.* dismal) — «унынные». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

они задумывались над тем, была ли девица и впрямь настолько наивна или ей хотелось, чтобы у нее случился выкидыш, и она подсознательно рассчитывала на то, что ей удастся пораньше покинуть это богоугодное заведение.

Когда у нее родился синюшный ребенок, никто этому не удивился. Мальчик выглядел как мертворожденный. Доктор проверил его пульс. Сердце мальчика не издавало ни звука. Доктор поднес руку ко рту ребенка, чтобы проверить дыхание, но дыхания не было.

Они оставили ребенка с вытянутыми вдоль тела ручонками лежать на столе. Ножки его кривоватые раздвинулись. Священник не знал, что случается с такими младенцами в чистилище. Он помахивал над ребенком четками, следуя рутине похоронного обряда. Потом от него отвернулся. Он собрался было положить малютку в большую сумку, специально предназначенную для таких случаев. Он уже решил похоронить его за церковью в большой хлебнице. Ведь никаких мудреных гробиков для такого рода покойников предусмотрено не было.

И тут странным и непостижимым образом детородный орган мальчика стал приподниматься. Потом младенец не то кашлянул, не то слабенько всхлипнул, кожица его стала розоветь, конечности начали подрагивать. Эрекция вернула дитя из царства мертвых. Священник решил, что стал свидетелем чуда. Чья работа здесь свершилась — Господа или дьявола?

Монахиня из больницы «Милосердие», которая принесла Иггиного младенца в сиротский приют, где ему предстояло провести все детство, сказала принявшим его там сестрам, чтобы они хорошенько за ним присматривали. С матерью его не обошлось без проблем, и было ясно, что с мальчонкой тоже не все в порядке, хоть сам он еще совсем крошка. У ног монашки все время терлась черная кошка, повсюду следовавшая за ней по пятам. Всех народившихся мальчиков, принесенных в приют, нарекали именем Джозеф. При этом им тоже непременно давали какие-нибудь прозвища. Монахини в приюте стали называть младенца Пьеро, потому что он был совсем бледненьким и на губах его неизменно играла глуповатая улыбка.

ПЕЧАЛЬНОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ДЕВОЧКИ ПО ИМЕНИ РОЗА

Розу родила восемнадцатилетняя девушка, не зная, что беременна, до шестого месяца. Отец Розы не особенно нравился ее матери. Паренек каждый день ждал ее на углу улицы, где она жила. Он постоянно просил ее зайти с ним в глухой закоулок, чтобы там она дала ему взглянуть на свою грудь. Как-то днем она решила уступить его домогательствам. Ей почему-то показалось, что, если она с ним согрешит, он отстанет от нее и оставит в покое. На деле так оно и случилось.

Поняв, что беременна, девушка все время пыталась скрыть живот под мешковатой одеждой. Она родила малюсенькую девочку дома, в ванной. Веки этого создания были пурпурного цвета. Выглядела малышка так, будто собиралась сочинить поэму. Все сестры молодой мамы потрясенно уставились на младенца, понятия не имея, что с ним делать. Они забыли прикрыть руками рот новорожденной, и та закричала так громко, что сбежались все, кто был в доме.

У молодой мамы из темных глаз, доставшихся ей от отца, хлынули слезы. Она завернула крошку в небольшое одеяльце, а сама надела черное пальто и ботинки. Ей полагалось сразу же идти в церковь. Младенцев постоянно оставляли на ступенях храмов. Ладонки девочки сжимались в кулачки и рожимались, как задумчивые морские актинии. Перед тем как уйти, девушка опустилась на колени и тихонько попросила у матери пятьдесят долларов. Мать дала ей деньги со смешанным чувством отвращения и сострадания. Пробормотав слова благодарности, девушка проворно выскользнула за дверь.

Она миновала церковь, прошла еще около мили и в глухом переулке постучала в дверь стоявшего особняком дома. Женщина, которая там жила, за пятьдесят долларов брала к себе новорожденных. За эту плату она гарантировала, что ребенок не окажется в детском приюте.

Женщина с седеющими волосами цвета пороха, в накинутом на плечи пальто открыла матери Розы дверь. В кухне она сказала, что пристроит девочку в богатую семью в Вестмаунте. Она пообещала одеть девочку в замечательные белые одежды с чудесным воротничком, в которых та будет выглядеть как цветок. К ней приставят гувернантку, а позже подарят ирландскую борзую. Она пристрастится к чтению интересных толстых книг. За небольшое вознаграждение. За небольшое вознаграждение. За небольшое вознаграждение она обеспечит ее дочери домашний очаг и счастливую судьбу.

Чтобы поверить лживым рассказам этой женщины, мать Розы должна была иметь совсем уж неумемное воображение. Ничего хорошего такое воображение не сулило, особенно если вы были девушкой и жили в Монреале в начале двадцатого века. Ей бы лучше было иметь побольше сообразительности. Но она никогда никого не слушала.

МУЖЧИНА, РЕШИВШИЙ сократить путь с фабрики домой, нашел Розу, завернутую в одеяльце, в снегу под деревом, в парке Мон-Руаяль. Она замерзла, на щеках ее выступили два небольших пятнышка, похожих на голубые розы. Мужчина приложил ухо к личику девочки: ее щеки были холодны как лед, но он расслышал совсем слабый выдох. Он прижал ее к груди, накрыв полой пальто, и побежал в больницу. Там малышку положили в тазик с теплой водой. Когда она раскрыла глазенки, казалось, произошло настоящее чудо.

При обходе парка полицейские нередко находили на снегу младенцев, превратившихся в ледяных ангелов. Преступления жуткой торговки счастливым будущим детей вскоре были раскрыты, и ее арестовали. Когда мошенницу вели в суд, люди бросали в нее снежки, в которые были вложены камни. Женщину приговорили к повешению. Хотя все были

возмущены и разгневаны из-за того, что произошло с Розой, девочку никто не вызвался удочерить. Люди могли себе позволить лишь возмущение.

Полицейские, которые принесли ребенка в приют, сказали:

— Присматривайте за ней. Счастливого будущее ей не суждено.

Всем девочкам в приюте давали имя Мария, и ее нарекли этим именем. Но, как было заведено, ей дали и прозвище — Роза. Именно так ее потом всю жизнь все называли. Она получила такое прозвище из-за двух ярких пятнышек на щечках, которые из голубых стали красноватыми, а потом — спустя две с небольшим недели — совсем пропали.